

Zvynjac'kovs'kyj, Volodymyr Janovyč

Первый симптом антропологической катастрофы : (Аустерлиц Льва Толстого и lieu de mémoire под Славковом-у-Брна)

Новая русистика. 2024, vol. 17, iss. 1, pp. 45-55

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2024-1-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.80332>

Access Date: 21. 08. 2024

Version: 20240821

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Первый симптом антропологической катастрофы. (Аустерлиц Льва Толстого и *lieu de mémoire* под Славковом-у-Брна)

Владимир Янович Звоняцковский
(Брно, Чешская Республика)

Введение

Предлагая выяснить смысл и значение исторических взглядов автора «*Войны и мира*» с позиций современной нам историографии и историософии, хотел бы сразу обозначить эти позиции в том аспекте, который мог бы заинтересовать нас в этой связи.

В XIX в. получил широкую известность гегелевский парадокс: *история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы*. И только с конца XX в. история сознания (и история осознания истории, как раздел её) стала предметом научного изучения. И выяснилось, что История не только не учит народы, но в принципе не способна их учить. Ибо История как целостная и последовательно развивающаяся система никогда не присутствует в нашем сознании: она, философски формулируя, неинтеллигибельна. А то, что в нашем сознании присутствует, то, что мы в быту именуем историей, современные историки называют **исторической памятью**.

Нерегулируемая стихия исторической памяти в принципе лишена обучающей, интеллектуально формирующей способности, той самой способности учить народы, формировать у них позитивное и дееспособное национальное самосознание и осознанные общечеловеческие ценности. Как точно подметил современный украинский историк Ярослав Грицак, «историческая память имеет такое же отношение к настоящей истории, как наркотик к лекарству: быстро даёт облегчение, но болезнь не ликвидирует». [GRICAK 2022, 17]

Развивая метафору Грицака, предлагаю для начала рассмотреть случай, когда «врач» (т. е. профессиональный историк), достаточно изучив действие

«наркотика» (т. е. исторической памяти), прописывает его «больному» (т. е. нации с шатким самосознанием) для систематического приёма в малых дозах. Иными словами, речь идёт о попытке отрегулировать стихийный поток исторической памяти, задать ему пускай искусственное, однако, с какой-то точки зрения, полезное направление.

Именно такой случай — современная концепция *lieux de mémoire* французского историка Пьера Нора и его школы. *Lieu de mémoire* Пьера Нора — это «любой значимый объект, материальный или нематериальный, ставший символическим элементом мемориального наследия данного сообщества». [WHITEHEAD 2009, 161] **Историческая память** мозаична или даже **точечна**, она складывается вот из таких *lieux de mémoire*. Я перевёл бы этот термин как **точки памяти**.

Памятники, мемориалы, музеи, учебники истории и, не в последнюю очередь, **художественная литература** создают эти точки памяти в историческом сознании, которое, как это легитимизируется в таких исторических проектах, как 7-томник *Les Lieux de mémoire* под ред. П. Нора, никогда не интернациональны, не общечеловечны, а всегда национальны. Исключения редки, и об одном из них я и хотел бы здесь рассказать. Однако прежде необходимо выяснить ещё только одну общую позицию, а именно — значение в этом контексте, в контексте исторической памяти последних веков, собственно художественной литературы.

С одной стороны, история литературы есть по определению часть истории сознания. С другой стороны, историк сознания не может не заметить парадоксальности этой её части, особенно если говорить об истории литературы начиная с XIX в., когда в развитых странах чтение постепенно становится массовым, разрушая традиционную границу между массовым и элитарным историческим и художественным сознаниями.

Именно с этого момента, согласно теории П. Нора, к художественной литературе постепенно переходит роль «депозитария общественного духовного достояния», «толкователя глубочайших общественных устремлений». При этом современное писателю «обуржуазившееся» общество, как правило, не готово принять такового толкователя за глашатая непреложных истин [NORA 1986, 6]. В лучшем случае пройдут десятилетия или даже века, пока будет широко признано, что писатель опередил своё время. Причём речь идёт о писателях в широком смысле слова: напр., публицистов, философов («эссеистов») школа Нора тоже включает в ту же категорию и рассматривает в том же отношении. Теперь, помянув предшественников и договорившись о терминах, мы можем наконец обратиться к одному из примеров интересующих нас «точек» исторической памяти.

Парадокс Аустерлица

С начала XIX в. убойная сила артиллерии и соответственно количество жертв войны возрастают в разы. Десятки тысяч трупов на полях так наз. великих битв остаются без погребения. Что же касается механизма исторической памяти, то в XIX в. он ещё никак не работает в этом направлении — попросту говоря, эти десятки, а потом и сотни тысяч трупов историческая память не учитывает, никак не фиксирует. Она остаётся по типу средневековой, т. е. охотно фиксирует персонализированные победы полководцев, идентифицируемых в качестве «своих», гораздо менее охотно — их поражения и вовсе игнорирует гуманитарный аспект, человеческую «цену вопроса».

Так продолжалось до самого конца XIX в. В том числе и в той культуре, которая весь этот век позиционировала себя в качестве «самой гуманной», «общечеловечной», а именно — во французской культуре.

В 7-томнике *Les Lieux de mémoire* (как было сказано выше, он принципиально не учитывает точки памяти вне пределов Франции) находим две специальные статьи: «Павшие за родину X–XX вв.» [NORA 1997, 1673–1698] и «Памятники павшим» [NORA 1997, 199–223].

В статье «Павшие за родину...» прослеживается по сути единая и непротиворечивая позиция французской идеологии за целое тысячелетие: и католическая церковь позднего средневековья, и просветители XVIII в., и гуманисты XIX–XX вв., в сущности, согласны с тем, что народу естественно защищать обжитую им территорию от посягающих на неё захватчиков, **не считаясь с жертвами**. В таком понимании также естественно и никак не оговаривается отсутствие в этом дискурсе французов, павших во всех без исключения войнах на чужих территориях, — напр., солдат, офицеров и генералов армии Наполеона. Более того, как отмечали все критики 7-томника *Les lieux de mémoire*, в нём вообще не нашлось места ни Наполеону I, ни Наполеону III, ни идеалу бонапартизма как таковому, что и понятно: в концепции Нора общенациональная историческая память непротиворечива, она консолидирует, а не разделяет нацию. Скромный памятник на могиле наполеоновского генерала Валубера (единственного его генерала, павшего при Аустерлице), поставленный в Брно в 1969 г., т. е. сразу после вторжения русских в Чехословакию, должен был, подпольным и парадоксальным образом, консолидировать **чешскую** нацию. Ведь «храбрый генерал» (как по-французски написано на памятнике) «героически погиб» (как на нём же написано по-чешски), сражённый ядром, выпущенным из русского орудия. Но его жертва не была напрасна: огромная русская армия была сокрушена, а Европа навек запомнила, что Россию можно и нужно сокрушить. Однако, согласно концепции исторической памяти Нора,

ни в статье о «павших за родину», ни в 7-томнике в целом генералу Валуберу и ему подобным места не нашлось.

Вторая статья, «Памятники павшим», исчерпывающе освещает историю вопроса о памяти не о **событиях** жертвования за родину, а о **погибших** как таковых. Этот вопрос во Франции, впервые в её истории, и то весьма робко, был поставлен в 1870-е годы, в связи с войной, в ходе которой Пруссия нанесла Франции сокрушительное поражение. Собственно, именно это и явилось причиной того, что формирующаяся национальная память о недавнем прошлом фактически отмахнулась от вопроса, отделавшись несколькими скромными погребальными крестами местного значения. И только победа в Первой мировой заставила французов громко говорить о «сотнях тысяч отдавших жизни за родину», породила нео-ампир помпезных памятников и даже культ Неизвестного солдата, более памятный нам уже по следам Второй мировой войны.

Принципиальная установка автора статьи о памятниках павшим не располагать данные точки памяти вне пределов Франции не дала ему возможности включить в этот контекст всего воздвигнутого между двумя мировыми войнами ещё один важнейший монумент, который по факту можно было бы считать воздвигнутым одновременно и в честь «победы французского оружия», и в память о «тысячах отдавших жизни за родину». Но хотя всё это действительно имело место быть в историческом событии Аустерлица, исток его монументализации был парадоксально иным, не французским.

Принципиально, и вовсе вне связи с Аустерлицем, вопрос о «тысячах отдавших жизни за родину» был поставлен в России, и тоже (как во Франции) в связи с войной 1870-х годов, но только уже победоносной для России — русско-турецкой на территории Болгарии. Официальная историческая память самой Болгарии сразу зачислила эту войну в счёт «помощи славянских братьев». Но количество жертв среди мирного населения настраивало поколения, пережившие эту войну, амбивалентно и уж никак не в пользу какой-либо победоносной монументализации. А тем временем в русской прессе, в русском обществе поднялась шумиха по поводу, так сказать, народохозяйственного использования болгарскими мест, где лежат непогребенные солдаты русской армии (как, впрочем, и турецкой, о чём вообще не упоминалось). И в результате разгоревшегося скандала русский царь получил возможность сделать щедрое пожертвование на мемориал на Шипке (а непогребенные трупы в прочих местах сразу же были забыты).

Историки мемориала, который в течение первой четверти XX в. был воздвигнут в память событий 1805 г. на внушительном географическом пространстве меж Брюнном и Аустерлицем (т. е. между современными чешскими городами

Брно и Славков-у-Брна), возникновение его, так сказать, практической идеи связывают, как ни странно, именно с упомянутым русско-болгарским скандалом. *Комитет по созданию достойного помещения для хранения останков на заброшенном Аустерлицком поле сражения*, организованный монахом-иезуитом Алоизом Словаком в 1899 г., первым делом обратился к русскому правительству, и уже в 1901 г. получил от него половину всей просчитанной суммы стоимости проекта: прецедент Шипки облегчил русским понимание необходимости подобного мемориала в Аустерлице. Гораздо сложнее принималось решение в правительственных кругах двух других стран, к которым также обратился *Комитет*, т. е. Австрии и Франции, — ведь там, как мы видели, сама идея «памятника павшим» не была ещё как следует артикулирована.

Впрочем, выделение средств Россией было жёстко обусловлено одним требованием: в надписи на русском языке должны были упоминаться только русские и никакие другие павшие. Комитет, таким образом, был поставлен перед жёстким выбором: согласиться на условия русских или же вовсе отказаться от уже созревшего замысла достойного захоронения столетних останков солдат и мирных жителей. Комитет избрал первый вариант, так что надпись по-русски у входа в мемориал отличается от надписей по-чешски, по-немецки и по-французски: «Русская надпись вызывает о памяти только русских жертв, как это и было обусловлено русским правительством в момент спонсирования строительства памятника». [*Mogila...* 2022, 22]

Алоиз Словак и Лев Толстой

Тем большая заслуга в осмыслении проблемы новейших войн как массовых убийств принадлежит Алоизу Словаку. Этот человек пользовался популярностью и авторитетом среди чешского населения Брна — в то время австрийского Брюнна. По будням он учил детей в чешских школах, по воскресеньям проповедовал в церкви на чешском языке, что было тогда в новинку. Но главное — он мыслил самостоятельно, в свободном духе европейской философии его времени.

Однажды, в День поминовения усопших, он в полном одиночестве отправился за город, туда, где контуры множества братских, безымянных могил смутно угадывались по осыпавшимся, травами заросшим холмам. О. Алоиз долго там молился и понял, чему он должен посвятить свою жизнь (а было ему тогда немногим более 30 лет). Годы ушли на обходы обширных полей меж Брном и Славковом, разговоры со стариками в уцелевших или возрождённых из пепла сёлах, изучение записей в церковных книгах. Между прочим старик-настоятель одного из деревенских костёлов вспомнил, как в 1866 г. тогда

ещё молодой (36-летний) император Франц-Иосиф вот так же обходил эти поля и плакал. «И кто б из нас не плакал, — комментирует о. Алоиз, — при виде этого неосягаемого взором кладбища, где нет ни одного памятника, ни единого креста». [SLOVÁK 1898, 143–144]

В 1897 г. о. Алоиз издал книгу — результат своих полевых исследований — под названием *Битва у Славкова*, с примечанием на титульном листе: «Сбор от продажи поступит в фонд создания достойного мемориала павшим». 2-тысячный тираж за год был распродан. В следующем, 1898 г. книга вышла уже 10-тысячным тиражом и тоже была моментально раскуплена. Собрав всю сравнительно небольшую первоначальную сумму, о. Алоиз и создал в следующем, 1899 г. вышеупомянутый Комитет, который просчитал, сколько всего нужно собрать, и обратился уже непосредственно к воевавшим здесь империям.

Книга *Битва у Славкова* сочетает в себе достоинства исторического исследования и философского эссе. Разумеется, в первом отношении А. Словак опирался не только на собственные историко-топографические изыскания, но и на те источники, которые представлялись ему авторитетными.

Так, при описании военного совета в Крженовицах А. Словак в своих книгах (а книги об Аустерлицкой битве он издавал вплоть до 1922 г.) брал за основу соответствующий эпизод в т. 1 «*Войны и мира*» Л. Толстого. При этом тот феномен, который мы рассмотрим далее, — феномен толстовского **непосещения** поля Аустерлицкой битвы, выдуманности или вторичности его аустерлицких сцен — вряд ли был известен о. Алоизу и вряд ли даже мог бы его заинтересовать. Но общий пафос «*Войны и мира*», отношение автора эпопеи к тем неосягаемым взором кладбищам без крестов и памятников, которые — впервые во всемирной истории в таких масштабах — оставлял за собой Наполеон, — вот то, в чём Толстой несомненно совпал с брненским священнослужителем и несомненно на него повлиял — даже несмотря на фактическую неточность данных конкретных описаний.

Приведу пример. «Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц» [TOLSTOJ 1973, 310], — так начинается описание военного совета в ночь перед битвой. Трудно сказать, из какого немецкого источника и почему в таком испорченном переводе взял Толстой это несуществующее название: надо читать — около Аустерлица. Деревня Крженовице, где на самом деле состоялся военный совет, действительно находится от Аустерлица (Славкова) всего в 4 км. То, что Толстой называет «небольшим дворянским замком», — это *Spáčilův statek*, где и сегодня живёт семья Спачилов. А. Словак это место и нашёл (с некоторых пор на доме даже висит мемориальная доска о пребывании Кутузова) и, конечно, прекрасно понимал, что Толстой поместил

его в несуществующий и никогда не существовавший населённый пункт. Но для обоих битвоописателей смысл события важнее топографической точности. А в описании его смысла (точнее — бессмыслицы) автора «Войны и мира» было бы трудно превзойти.

Вспомним знаменитое сравнение аустерлицкой битвы с часовым механизмом. «Как в часах результат сложного движения бесчисленных различных колёс и блоков есть только медленное и равномерное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих ста шестидесяти тысяч русских и французов — всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, страданий, порывов гордости, страха, восторга этих людей — был только проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого сражения трёх императоров, то есть медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества». [TOLSTOJ 1973, 316]

Отказ в присуждении Толстому Нобелевской премии как первый симптом антропологической катастрофы

Почему русско-австрийская армия, численностью почти вдвое изначально превосходящая французскую, должна была проиграть? Почему вообще было решено, что в этой так наз. «битве трёх императоров» двое проиграли? Принцип «Мы проиграли, потому что решили, что проиграли» (который задним числом выдвигал Андрей Болконский) Исайя Берлин в своей книге об историческом мышлении Толстого убедительно возводил (как многое другое в исторических взглядах автора «Войны и мира») к идеям, высказанным Жозефом де Местром в его «*Петербургских вечерах*» [BERLIN 1970, 61–82]. Для Толстого, как и для де Местра, огромные человеческие жертвы на алтарь истории всегда бессмысленны, ибо результат таких пожертвований всегда случаен и непредсказуем. Потому готовность так наз. творцов истории шагать к своим мнимым победам по трупам (по сотням тысяч трупов!) у обоих мыслителей вызывает весьма понятное отвращение, а их читателей заставляет задуматься о «цене вопроса».

Но в то самое время, т. е. в первые годы XX в., когда Алоиз Словак и его *Комитет* впервые во всемирной истории приступают к осуществлению грандиозного проекта Памятника Павшим, *Кургана Мира*, основываясь на собственной гуманистической концепции Аустерлица, сложившейся в том числе и под влиянием думавших над этим гуманистов-предшественников, включая Льва Толстого, — в это же самое время самому автору *Войны и мира* другой Комитет — Комитет по присуждению Нобелевской премии, причём **на тех же самых основаниях**, отказывает в положительном решении.

В заключении Комитета о **неприсуждении** премии Толстому (а он был одним из её соискателей уже во второй год её существования, т. е. в 1902 г.) риторически вопрошалось: «Насколько здоровой идеалистичностью обладает писатель, который в своём — пусть и великом — романе «Война и мир» отводит решающую роль в грандиозных событиях мировой истории слепому случаю?» [*Nobelevskaja...* 2009, 28]

Специалисты по присуждению литературной премии как-то не заметили, что так наз. исторические взгляды Толстого не заданы в романе *a priori*, а складываются *a posteriori*, по мере изучения предмета, просто на виду у читателя. Так, Аустерлиц — первый в ряду «грандиозных событий» в романе, и у Толстого он не стал ещё объектом полевых исследований, как у Словака, или как у того же Толстого Бородино, где автор *Войны и мира*, перед созданием соответствующих эпизодов, провёл двое суток и обошёл, не пропуская, все места расположения, движения и столкновения войск.

Изученный по книгам Аустерлиц для автора *Войны и мира* стал первым потрясением, связанным с этим романом. Задумывая его как историю становления будущего декабриста, Толстой и не собирался изучать события 1805 г. теми методами «полевого» историка, при помощи которых он несколько лет спустя изучал события 1812 г. В противном случае не миновать бы ему Брюнна и Аустерлица во время его второй поездки по Европе, когда *Декабристы* уже были задуманы и писались и когда ничего не стоило отклониться от одного из европейских маршрутов (а траектория толстовских маршрутов выглядела бы весьма извилистой линией на карте Европы). Отклониться, чтобы отправиться в Вену, Брюнн, Ольмюц и наконец в Аустерлиц — в те самые города, о которых так много и подробно (но с чужих слов) говорится в т. 1 романа, — и, наконец, объездить вдоль и поперёк самой поле битвы, как впоследствии будет изъезжено бородинское. Однако писатель, во-первых, надеялся на свой боевой севастопольский опыт (а в Крыму в нач. 1850-х тоже было положено немало солдат и офицеров — и русских, и англичан, и французов) и, во-вторых и в-главных, ещё не имел в своём мыслительном арсенале той концепции такого рода *lieux de mémoire*, которой предвосхитил философские и научные взгляды, ставшие близкими и понятными современникам лишь через сто лет после того, как автору *Войны и мира* **не** присудили Нобелевскую премию.

Вот настолько опередить своё время и Лев Толстой, и Алоиз Словак сумели именно потому, что смотрели на «великие битвы» своего века с позиций чистой человечности, так наз. абстрактного гуманизма. Русские и французские солдаты 1805 г. ведь и сами не понимали (или понимали так, как им велели понимать), для чего им стрелять друг в друга и умирать в стране каких-то «немцев

проклятых», которые и сами «своей земли не знают» [TOLSTOJ 1973, 332] — так бранит русский солдат австрийцев, заблудившихся под Аустерлицем, — но дело-то происходит в Моравии!. Алоиз Словак находит свидетельство брненского жителя 1805 г. о том, как в центре города, на рыночной площади, умирали русские солдаты, раненые под Аустерлицем, а французский солдат, глядя на них, плакал и кричал: «Люди, смотрите на этих несчастных — всё это сделали англичане!» [SLOVÁK 1898, 113] И когда Лев Толстой показывает спешившихся накануне сражения в мирной беседе солдат враждебных армий, он даёт им единение через добродушный смех над чьей-то простой шуткой. При этом автор понимает сам и даёт понять читателю, что мало кто из этих людей доживёт до послезавтра. «Го, го, го! Ха, ха, ха, ха! Ух! Ух! — раздался между солдатами грохот такого весёлого и здорового хохота, невольно через цепь сообщившегося и французам, что после этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорее всем по домам. Но ружья остались заряжены, бойницы в домах и укреплениях так же грозно смотрели вперёд и так же, как прежде, остались друг против друга обращённые, снятые с передков пушки». [TOLSTOJ 1973, 216]

Мало того, что люди не доживут до послезавтра — о них просто сразу же забудут, об этих десятках тысяч, как потом и о сотнях тысяч. Их просто вычеркнут из жизни как «необходимую плату» за «закономерный ход истории», в который высоколбые члены Нобелевского комитета будут верить ещё и в начале XX в. «Из всего множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX век, — заметит почти уже в конце его Мераб Мамардашвили, — главной и часто скрытой от глаз рассудка является *антропологическая* катастрофа [...] событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нём сломаться в прямой зависимости от разрушения или просто отсутствия цивилизационных основ процесса жизни и общения. А это событие уже идёт полным ходом». [MAMARDAŠVILI 2019, 5–6]

Выводы

Общность исторической памяти — одна из важнейших цивилизационных основ процесса жизни и общения. Это хорошо понимали такие сторонники последовательного и безоговорочного гуманизма, как Алоиз Словак и Лев Толстой. В Наполеоне Бонапарте оба видели чудовищный прообраз диктатора начинающейся новейшей эпохи, способного, пусть и на исторически короткий срок, внушить своим подданным истинность национальной версии исторической памяти.

Победа Наполеона под Аустерлицем досталась ему дорогой ценой дотеле неслыханного количества человеческих жертв. Семь лет спустя, заклиная взойти «солнце Аустерлица» на поле Бородина, диктатор пошёл на ещё большие человеческие жертвы. «Солнце Аустерлица» более никогда для него не взошло. Но сама идея положительного значения истребления некой имперской армией десятков тысяч людей на чужой земле отбросила Европу назад к средневековью.

Война и мир Льва Толстого и *Курган Мира* Алоиза Словака — попытки противостоять возврату к средневековью, создать некий механизм гуманистической — общечеловеческой — исторической памяти. Но даже на самом *Кургане Мира*, с ведома и допущения его основателей, возникла (и до сих пор существует!) надпись на русском языке, не являющаяся адекватным переводом надписей (там же) на других языках. Если бы ещё тогда, т. е. в начале XX в., эта особая русская историческая память стала предметом коллективной рефлексии в Европе, то, быть может, это могло бы хоть на какое-то время предотвратить антропологическую катастрофу, которая в современном нам мире идёт полным ходом.

Обратима ли она? Если бы не было на это ни малейшей надежды, нам не стоило бы предпринимать наши исторические исследования и писать литературоведческие статьи.

Библиография:

- BERLIN, I. (1970): *The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History*. New York.
- GRICAK, Ja. (2022): *Podolati minule: global'na istorija Ukraïni*. Kiïv.
- MAMARDAŠVILI, M. (2019): *Soznanije i civilizacija*. SPb.
- Mogila pokoju i bitva pod Austerlitz*. (2022). Brno.
- Nobelevskaja premija po literature pod. red. B. Jangfel'dta*. (2009). Stokgol'm.
- NORA, P. (1986): Retour au XIXe siecle. In: *Litterature: Textes et Documents*. Paris, pp. 3–6.
- NORA, P. (ed.) (1997): *Les Lieux de memoire*. Paris.
- SLOVÁK, A. (1898): *Bitva u Slavkova*. Brno.
- TOLSTOJ, L. (1973): *Sobranije sočinenij v 12-ti t. T. 4*. Moskva.
- WHITEHEAD, A. (2009): *Memory*. London.

Summary

The First Symptom of an Anthropological Catastrophe. (Lev Tolstoy's Austerlitz and the *lieu de mémoire* near Slavkov-u-Brna)

Following Pierre Nora's concept of topical historical memory, the author examines Lev Tolstoy's *War and Peace* and Alois Slovák's *Cairn of Peace*. Both these cultural facts seek to resist the return to the Middle Ages and create a certain mechanism of humanistic historical memory for the whole of mankind. In this context the historical views of the author of *War and Peace* acquire a renewed meaning, since it was precisely his view of history that prevented him from receiving the 1902 Nobel Prize. His prediction of an imminent anthropological catastrophe, the first symptom of which was indifference towards the simultaneous destruction of thousands of human beings in the name of invented historical values, unfortunately went unheard by his contemporaries and came to fruition in the 21st century.

About the author

Volodymyr Zvinyatskovsky, Masaryk University, Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies, Brno, Czechia; Mariupol State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Applied Philology, Kyiv, Ukraine, vyaz57@ukr.net

